

Александр Пушкин.
«Карантин». Пьеса
«Болдинская осень»
Дмитрия Крымова и
Сергея Арцибашева
в Театре на
Покровке.
Постановка
С. Арцибашева

ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ПУШКИНУ

Новая газ. - 1999. - 31 мая - 6 июня. - С. 22.

Фраза «великий русский поэт» к весне 1999 года стала слоганом и застряла поперек горла. Чтобы кому-то захотелось снять томик с книжной полки, нужны простой человеческий интерес и капля сострадания. А откуда им взяться, когда кругом вместо поэта — конфетная обертка?

Дмитрий Крымов с Сергеем Арцибашевым написали и поставили несладкую пьесу.

Впрочем, «написали» — это громко сказано. Практически все, что произносит поэт со сцены, можно найти в его Полном собрании сочинений. Но почему-то получился не литературный монтаж, а именно драма.

Место действия — Болдино. Время — 1830 год. Но это только точка отсчета, не больше.

...Отрезанный от зрительного зала канатом, он действительно загнан в угол. Люди в тулупах и телогрейках непробиваемы: «Карантин, барин!»

Письма — мало того что предварительно кем-то читаются («Этого требует государственная безопасность!»), но в соответствии с нормами тогдашней гигиены прокалываются и окуриваются.

«...Не можете вообразить, как неприятно получать проколотые письма: так шершаво, что невозможно потереться...»

Это — последняя фраза спектакля. Почему же при всей своей грубости она не кажется пошлой? Да потому, что смех — единственное пушкинское оружие против пошлости, унижения, холеры и попыток всех и вся приватизировать поэта.

На сцене два Гоголя (Виктор и Вадим Януки). В отличие

от Пушкина (Арцибашева) оба они в гриме, оба даже слишком похожи на свой оригинал. И говорят правильные вещи. Те, что отлетают от зубов современных школьников: «Пушкин — это русский человек через двести лет», «Пушкин — это наше все». И т. д.

А поэт на это:

— Сыру мне пришлите, сыру!

Тут и Бенкендорф (Геннадий Чулков) приходит, чтобы сообщить: государь разрешил печатать «Годунова».

После такого и шеф жандармов кажется человеком, хотя успел прочитать мораль и дать ряд ценных «отеческих» наставлений. Но на наших глазах, нахлобучив фуражку и приклеив усы, он превращается в «отца народов».

Ну что ж, Сталин тоже благоволил поэту: «Певец Петра и российской государственности. Пушкин — это все наше».

Они так все его ценят и опекают, что десятую главу «Онегина» приходится сжечь.

Судите сами, кому ж понравится такое:

...Властитель слабый
и лукавый,
Плешивый щеголь...

или

...О русский глупый
наш народ...

Нет, не мог Пушкин такого написать. Потому что он утром выпивал жбан парного молока и спал в гамаке. (Ай да актриса Галина Стукалова, с каким истинным кликушеством она произносит хармсовский текст!) Хороня горстку пепла — сожженную главу «свобод-

ного романа», народ поведает, что у Пушкина было четыре сына — и все идиоты... (Чем смешнее фарс, тем и драма страшней.)

А вот и пушкинские дамы, его милые корреспондентки. Они безупречны и куртуазны. Рады сдуть с него пылинки. («Александр, милый Александр!..») И готовы составить его счастье, ведь каждая знает, что для этого ему нужно.

Их девиз: «Пушкин — это наше!»

А что он для Натальи Николаевны (Мария Костина)?

Не дав ей сказать ни слова, Крымов и Арцибашев оставили ее загадкой и для нас, и для Пушкина.

У Давида Самойлова есть строки:

Он заплатил
за нелюбовь Натальи.
Все остальное —
мелкие детали.

Ну а мы, зрители, и вправду не знаем, любит ли она его. И нам это незнание не мешает. Напротив, мы можем быть только благодарны за то, что на сцене эта тема вне обсуждения.

...Весь спектакль перед нами ковер из красно-желтой кленовой болдинской листвы. Он и ограничивает сценическое пространство. И все пронизано метаморфозами и сценическими рифмами. Ну что можно извлечь из обыкновенного кленового листа? Но Пушкин положит два листа на плечи (эполеты), третий прицепит на грудь (орден), и перед нами уже не Пушкин, а Александр I. И в роли царя Арцибашев столь же убедителен, как и в роли поэта, — мечущегося, страдающего, ищущего гармонию человеческого существования. Но находит он только гармонию слова.

Очень грустную пьесу написали вместе с Пушкиным Крымов и Арцибашев.

А спектакль — светлый.

● Ольга КОРШАКОВА

Сцена из спектакля «Карантин».
С. Арцибашев слева

Фото М. ГИТЕРМАНА

● P.S. Поздравляем Сергея Арцибашева, получившего приз за лучшую мужскую роль по итогам Всероссийского театрально-телевизионного фестиваля «России»